

Павел Брычков

За песочным золотом К истории основания Омской крепости

Начало

Изнурительная война со шведами, продолжавшаяся уже полтора десятилетия, постоянно требовала увеличения расходов государственной казны. И поэтому Петр I всегда поощрял тех, кто, как бы сегодня сказали, пополнял доходную часть бюджета. И вот однажды, по преданию, к нему пришел Гагарин и предложил попробовать нового табачку, а сам набил трубку золотым песком и табаком только присыпал сверху. Петр попытался раскурить трубку – не получается! Выбил содержимое на ладонь, а там – золото. На вопрос, что бы это значило, сибирский губернатор поведал, что такого золота возле города Эркетя (современный Яркенд на территории Северо-Западного Китая) хоть лопатой гребни!

Неизвестно, был ли случай с трубкой, но то, что золотой песок царю показывался, подтверждается документально. В архивах имеется донесение об этом князя Гагарина Петру I:

«Доношение о золоте, объявленном вашему величеству, которое называют песошным.

Городок калмыцкой Эркетъ, под которым на реке Дарье промышляют песошное золото, в разстоянии от Тоболска по сказке еркецких жителей, что доходят из Эркетти до Тары в полтретья месяца (т.е. в два с половиной месяца – П.Б.) нескорою ездою, а от Тары до Тоболска в пять дней. И естли соизволит ваше величество промысел чинить к тому месту из Тоболского, то кроме того не можно, что подселитца городами к тому месту, того ради, что от Ямышева озера до Эркетти кочуют калмыки и будут противитца, как им возможно, чтоб не допустить в тех местах строить городов, дабы оною им промыслу не терять».

Чтобы более ясно представить обстановку, перенесемся мысленно в 1714 год. Сибирская губерния, которой правил ее первый губернатор князь Гагарин раскинулась от Казанской губернии до Тихого океана. Всего русского населения в губернии было 680 тысяч человек, из них 80 тысяч казачьего служилого люда. Вот этими силами и сохранялось огромное пространство. Можно себе представить, что это были за люди! Не зря предки нынешних монголов называли русских «лоча», что значит «черт», за смелость и ловкость. Столицей губернии был Тобольск. А самым южным русским поселением на Иртыше Чернолуцкая слобода.

Вообще южное Прииртышье было самым беспокойным направлением. Из степей то и дело совершали набеги на русские и татарские деревни то казахи («казачья орда»), то теленгуты, то калмыки — жители сильного Джунгарского ханства, куда и планировалась экспедиция. Джунгарское ханство просуществовало до 1756 года, когда его завоевали китайцы. Китайцы вырезали всех, вплоть до младенцев, и спаслись только те из калмыков, кто сумел убежать в Россию.

Как предприимчивый государственный деятель князь Гагарин решил с помощью экспедиции убить сразу двух зайцев: пополнить государственную казну и обезопасить южные границы в Западной Сибири строительством крепостей вверх по Иртышу. В своем доношении он предлагает создать 2-3 регулярных армейских полка и поставить первую крепость возле Ямышева озера (в 40 км южнее современного Павлодара), а «оттоле, усмотря, где надлежит, делать и иные города. А на строение оных крепостей и на содержание их, кроме афицеров и инженера, управлятца можно из Сибирской губернии». Оговорка насчет офицеров и инженера не случайна. Офицеров в русской армии не хватало, как и инженеров. Поэтому не гнушались и пленными шведами.

Направление экспедиции совпало к тому же и с давним желанием Петра разведать водный путь до Индии, поэтому он собственноручно написал на доношении Гагарина: *«Построить у Ямыш-озера, а буде мочно и выше. А построя крепость, искать далее по той реке вверх, пока лодки пройти могут... Для сего определить 2000 или по нужде полторы (солдат. — П. Б.). Также сыскать из шведов несколько человек, хотя года на три, которые умеют инженерства, артиллерии, также, кои, хоть мало умеют около минералов. Также и афицеров несколько, однако ж, чтоб их было не более трети. Майя 22 день, 1714. На Котлином острове».*

Подписан был этот указ на адмиралтейской галере «Святыя Наталия».

Возглавить же экспедицию за песочным золотом было поручено подполковнику Ивану Дмитриевичу Бухолцу (именно так он писал свою фамилию сам, писали ее люди, близко знавшие его), он получил указание Петра подчиняться во всем губернатору Гагарину. В Санкт-Петербурге ему выделили двух сержантов и шесть солдат из Преображенского полка, и с ними он должен был отправиться в Москву, а оттуда в Сибирь для формирования полков. Однако уже в самом начале обозначились трудности. Скоро сказка сказывается, да не скоро дело делается! Ни подъемные, ни кормовые, ни прогонные деньги никто не торопился Бухолцу выдавать. Князь Гагарин, хоть и писал, что в этом деле можно в расходах «управлятца из Сибирской губернии», решил попытаться использовать государственную казну и обратился в Сенат: *«Сиятельнейшим господам Правительствующего Сената. По именному его Царского Величества указу, определен в Сибирскую губернию подполковник Бухалт для строения малых городов. О даче ему подвод, також и при нем будущим двум сержантам да шести человекам солдатам, да четырем человекам денщикам противу указу великого государя что ваше сиятельство укажет. Матвей Гагарин. 1714 июня 2 день».*

Казалось бы, что такое отправить 13 человек? Но потребовалось специальное решение Правительствующего Сената, который 4 июня постановил: *«...подвод давать на чем им съехать. А прогонные деньги на те подводы, также и кормовые давать из Сибирской губернии из неокладных доходов. К губернатору князю Матвею Петровичу Гагарину с товарищи о вышеписанном объявить и чинить по его великого государя указу. У подлинного написано тако. Князь Григорий Волконский».*

Такое решение, надо думать, не обрадовало Гагарина. А у подполковника Бухолца это была не последняя трудность в предпринятом деле. Тем не менее на двадцати подводах он в конце июня добрался до Москвы.

Из столицы – в столицу

Из Москвы подполковнику Бухолцу и его небольшому отряду предстояло добраться до Тобольска – столицы Сибирской губернии, как уже отмечалось, самой обширной из восьми губерний России. Путь был неблизкий – без малого две с половиной тысячи верст, и ни тебе железных дорог, ни тебе автострад! И хотя царь не любил волокиты в делах, о чем боевому офицеру, участнику Полтавской битвы Бухолцу, конечно же, было прекрасно известно, тем не менее он пробыл в Москве почти полтора месяца. Причина все та же – бумажная волокита.

А главное, что нужно было сделать: найти офицеров, желательно боевых и опытных. Но таковые, надо думать, во время войны по домам не сидели. Но в конце концов, с помощью военной канцелярии подполковник Бухолц нашел себе сподвижников: 1 майора, 2 капитанов, 2 поручиков и 2 прапорщиков. Конечно, семь человек маловато, но что делать! Список их не приводится, но по документам, касающимся экспедиции за золотом и появившимся позднее, со стопроцентной уверенностью можно утверждать: среди них были майор Вельяминов-Зернов, капитан Ступин, поручики Каландер и Трубников, прапорщик Микулин... Поручик Каландер, кстати, из пленных шведов, специалист по артиллерии и строительству крепостей.

Выбран был и путь, коим двигаться в Сибирь, самый надежный – водный. По рекам Москве, Оке, Каме и Чусовой, а за Уралом по Туре и Тоболу. Однако, как показал в отчете об экспедиции перед Сенатом Бухолц, на судне дошли только до устья Чусовой, а «от Чусовой до Тобольска на подводах зимним путем». Но, чтобы отправиться, нужны были деньги.

И тут не обошлось без сибирского губернатора Гагарина, который, кстати, из девяти лет своего губернаторства (с 6 марта 1711 г. по 11 января 1719 г.) пять лет провел вне Сибири. Царь постоянно призывал его по каким-либо делам. В начале 1714 года он был вызван для осмотра каналов, соединяющих Балтийское море с Черным и Каспийским и вернулся в Тобольск только к середине 1715 года, перед самым отплытием Бухолца из Тобольска. У Гагарина были свои дома в Санкт-Петербурге и в Москве, естественно, и в Тобольске тоже. Особенно поражали воображение современников четырехэтажные палаты в венецианском стиле на Тверской улице. Вот что пишет о них знаток старой Москвы М. И. Пыляев: «Великолепие внешности его палат соответствовало и роскошному внутреннему убранству. Разного рода дорогое дерево, мрамор, хрусталь, бронза, серебро и золото употреблены были на украшение покоев, где зеркальные потолки отражали в себе блеск люстр, канделябр, в висячих больших хрустальных сосудах плавали живые рыбы, разноцветные наборные полы представляли узорчатые ковры. Одни оклады образов в спальне его, осыпанные бриллиантами, стояли, по оценкам тогдашних ювелиров, более 130 000 рублей». Этот дом пострадал во время пожара 1812 года, а в 1852 году был перестроен и утратил свой первоначальный вид.

Надо думать, именно в этом доме и было отпраздновано известие о столь долгожданной победе над шведами на море. Эта победа была добыта в сражении у мыса Гангут 2627 июля 1714 года. Русскими было захвачено семь кораблей противника, в том числе фрегат контр-адмирала Эреншельда. Вместе с адмиралом было пленено шестьсот матросов и офицеров. Господство шведов на море после этого сражения закончилось.

Но вернемся к деньгам для Бухолца. Вот что он писал позднее сам: «А на наем судна и на подъем деньги даваны из доходов Сибирской губернии. Да на подъем выдано ему по приказу губернаторскому на Москве, из Сибирского Приказа, да у Соли-Камской по 100 рублей, муки ржаной 50 четвертей, вина простова 100 ведер в жалованье, да на Москве и в Сибири, получал он по имянному царского величества изувному указу полковничье, офицерам и прочим жалованья дача была деньгами и провиантом по их рангам из доходов Сибирской губернии».

Годовое жалованье полковника составляло – 100 рублей, майора – 46, капитана – 33, поручика – 26, прапорщика – 16 рублей 22 алтына. Для сравнения: лошадь в Сибири стоила 3,5 – 4 рубля, пуд ветчины – 23 коп., ведро вина около 2 рублей, седло примерно 16 алтын...

Как бы там ни было, отправившись в августе из Москвы, они прибыли в Тобольск 13 ноября. То есть были в пути почти три месяца. Это, конечно, не значит, что все передвигались с такой скоростью. Нарочные с письмами покрывали путь между двумя столицами за месяц, а то и еще скорее.

«И был без команды...»

Тобольск того времени, как и положено столице, был самым видным и красивым городом Сибирской губернии. Здесь был единственный на всю Сибирь белокаменный кремль с Гостиным двором и впечатляющим Софийским собором. Недалеко от собора – Архиерейский дом и рентерея, нависшая подобием арки над вершиной Прямого взвоза. Впрочем, строительство на территории тобольского кремля тогда еще продолжалось и вел его известный архитектор и картограф Семен Ульянович Ремезов. Он тогда заканчивал возведение Воскресенской церкви. Население было весьма пестрым: в основном, конечно, русские, но четверть – татары. Много было в городе пленных шведов, к которым князь

Гагарин благоволил и баловал их деньгами. По свидетельству иностранца Блюгера, он раздал им до 15 000 рублей. Впрочем, давал, видимо, не зря. С помощью шведов он выкопал канал, благодаря чему изменил место впадения Тобола в Иртыш и избавил город от вечной непролазной грязи.

Ознакомившись с положением дел, Бухолц приуныл: в Тобольске его не ждали, и для местного начальства он стал страшной свалившейся вдруг на голову обузой и заботой. Отсутствие Гагарина, оставшегося по делам вышневолоцкой системы шлюзов, только усугубляло положение. Уезжая в столицу 1 января 1714 года, Гагарин оставил вместо себя обер-коменданта, бывшего тарского воеводу стольника Семена Карпова. Хотя с 1709 года до приезда Гагарина в Тобольск обер-комендантом был бывший туринский воевода стольник Иван Бибииков. И уже во время пребывания Бухолца в Тобольске 1 января 1715 года Бибииков вновь назначается обер-комендантом, каковым и был до своей смерти в 1716 году. Надо полагать, что эти перестановки во время формирования экспедиции были не случайны, ибо Бухолц постоянно жаловался на невнимание к своим делам. И вынужден был обратиться к губернатору: с кем же ему работать в его отсутствие? И получил от Гагарина такой ответ: «...в небытность в Сибири губернатора, велено весь отпуск готовить, до указа великого государя, тобольскому коменданту Дорофею Афанасьеву сыну Траурнихту; и о том отправлении, о даче людей и аммуниции и артиллерии, и денег, и что надлежит его подполковничью отпуску из сенату или из двора царского величества, все велено отправлять ему, тобольскому коменданту».

Траурнихт был в Сибири фигурой довольно известной. В Сибирском летописном своде о нем говорится: «В Якутску в 206 году столник и воевода Дорофей Афанасьев сын Траурнихт». С его именем связано освоение не только Якутского края, но и Камчатки. Тут надо сказать, что Иван Дмитриевич Бухолц был женат на дочери Траурнихта Марье Дорофеевне. Это обнаружил и впервые опубликовал в своем очерке «Иван Бухолц» и научной статье, посвященной экспедиции, омский историк-архивист Е. Н. Евсеев. Он же в ряде публикаций, на основании подлинных архивных первоисточников с автографами основателя Омской крепости и сфрагистики, показал, что руководитель экспедиции за песочным золотом Иван Бухолц был из русского дворянского рода, а не из немцев, и Бухольцем писаться не должен. Это подтверждается также следующей записью, обнаруженной мною, в Сибирском летописном своде: «1715-го году по зиме поехал (точнее – «приехал». – *П.Б.*) из Санкт-Питербурха полковник господин Иван Дмитриевич БУХАЛЦЕВ и с ним другие афицеры». Здесь же чуть ниже говорится, что в 1723 году в Сибирь приехал «генерал и мазор иноземец Вилом Иванович Геннинг да с ним другой ему товарищ иноземец Иван Иванович Берместер». Как видим, о том, что приехали иноземцы, в летописи специально подчеркнуто, а Бухолц воспринимался как русский и даже фамилия написана на русский манер. В Российском государственном архиве древних актов (РГАДА) сохранилось письмо Бухолца с оттиском на сургуче его печати, на котором изображена птица, скорее всего, болотная выпь – «бухало». Е. Евсеев не исключает происхождение родового прозвища от этой птицы.

Неизвестно, насколько повлияло родство Бухолца с комендантом Тобольска на выбор его руководителем экспедиции и на назначение тестя начальником по подготовке экспедиции, но можно предположить, что ускорению дела способствовало не очень. Ибо впоследствии Бухолц отмечал, что «приехал он, Бухолц, ноября 13 числа того же 1714 году, и был без команды генваря по 9 число 715 году», то есть почти три месяца.

«Доношу вашему пресветлому величеству...»

В январе стали приходиться рекруты из окрестных деревень, не более чем по одному человеку с четырех дворов. Кому идти в рекруты, решала община, ибо в Сибири крепостного права не было. Из них еще надо было сделать солдат, что при нехватке офицеров было непростой задачей. Но людей все равно не хватало, так, что приходилось брать и арестантов из тюрем. В своих донесениях в столицу Бухолц постоянно жаловался на неопытность солдат, на то, что они «экзерциции не знают».

Сложности были и с вооружением. Прибыв в Тобольск, Бухолц обнаружил там всего лишь две годных пушки. Пришлось отливать новые тут, в Тобольске. Поручик Каландер привлек для этого дела пленных шведских офицеров. Особенным умельцом в этом деле оказался штык-юнкер Ренот. К лету было вылито пять медных пушек: одна шестифунтовая и четыре трехфунтовые (калибр определялся весом ядра – П. Б.) и также одна пудовая мортира и четырнадцать шестифунтовых. Хотя и приказал князь Гагарин отправляться из Тобольска весной, но из-за неготовности экспедиция задерживалась.

13 мая 1715 года в Тобольске случился сильнейший пожар, который, надо полагать, также не способствовал ускорению дела. Летописи сообщают, что на нижнем посаде сгорели 4 церкви, 4 богадельни, 2 кружала, 39 амбаров, 953 двора, 25 юрт и 194 лавки.

Состояние дел в полной мере предстает из доношения подполковника И. Д. Бухолца царю Петру, написанного 9 июня 1715 года. Из него следует, что за исключением мелочей, Бухолца больше всего волновало три момента. Во-первых, отсутствие дощаников и лодок, без которых невозможно было отправиться вообще. Во-вторых, беспокоило и то, что он не нашел ни одного человека в Тобольске, который бы точно сказал, что возле Яркенда есть золотой песок: «А подлиннова и вернава ведомца о песошном золоте близ Еркета господин губернатор мне не дал, а тобольские жители, которые бывали в Еркете, не единой не сведом о том золоте подлино, а привозят то золото в Тоболск бухарцы и продают». И, наконец, одной из главных забот было оружие. «В ружье, государь, самая мне нужда, понеже малое число годного; всего, государь, по нынешнее число у меня, из которого стреляем, восемьсот фузей, и то разных калибров.<...> К тому ружью к замкам делаю пружины из простого укладу, а не из стали; и о стали просил я господина губернатора, чтоб позволил прислать с Москвы, чего и по се число не прислано, а в Сибири стало достать не мочно; которые худые пружины и починивают укладом простым, ни мало не прочны».

Однако уже перед самым отплытием экспедиции губернатор Гагарин сдержал свое слово и прислал из Москвы 2000 фузей «немецкаго добрава дела» и столько же палашей. Но 9 июня их еще не было, и подполковник Бухолц пишет царю, что он готов отправиться до Ямышева озера и заложить там крепость с имеющимся оружием, чтобы в той крепости дожидаться обещанных фузей. Забегая вперед, можно сказать, что хорошо, что этот вариант не осуществился, иначе результаты экспедиции могли быть весьма печальными.

Из собранных рекрутов было созданы три полка: Санкт-Петербургский, Московский и Драгунский общей численностью 2797 человек, которые были соответственно обмундированы.

«А что, государь, при мне ныне...»

Впрочем, численность полков в ходе экспедиции постоянно менялась в сторону уменьшения. По ведению, посланному канцелярией из Тобольска в Сенат, численность отряда на момент отплытия составляла 2932 человека, из них 2862 человека солдат и драгун и 70 мастеровых. Но уже 8 августа 1715 года, то есть через месяц с небольшим, Бухолц в табели, посланной из Татмыцкой слободы, указывает численность 2797 человек. Позднее, в 1719 году, на допросе в Сенате, когда началось следствие по делу князя Гагарина, он называет это же число. В ведомости, посланной из Ямышевской крепости от 29 декабря 1715 года, он указывает численность 2536 человек.

Убыль отряда объясняется прежде всего бегством солдат, как уже указывалось, в солдаты рекрутировали даже колодников. Не случайно царь Петр 7 августа 1716 года в письме князю Гагарину особо отметил: «Он же Бухолт пишет, что много солдат у него ушло и всегда бегут, понеже в сибирских городах их принимают, что зело противно указу чинитца, и ежели ему вред от того учинитца, то взыщется все на вас».

Архивные документы-первоисточники сохранили подробнейшие сведения об имуществе, бывшем в отряде. Еще 9 июня 1715 года подполковник Бухолц жаловался царю: «В Тоболску, государь, как я прибыл, припасов воинских: лядунок, перевезей, портупеев, лапатов, заступов, кирок, мотык, ломов, топоров, буравов, долот, ни к пушкам ядер и никакой амуниции, ни телег походных, ни ящиков патронных, ни людем мундиру – ничего не было, о чем о всем сведом господин губернатор, а делал все вновь и всем давал я образцы...» Но в конце концов все было сделано, и обеспечение и вооружение отряда можно считать хорошим. При отряде имела даже походная церковь, на строение которой было потрачено 13 косяков камки, крашенины – 474 аршин, тесем – 450 аршин, веревок 400 сажень. Количество фузей уже указано 2711, из них 2000 новых.

К ним, фузеям, нагалищ – 1813. Палашей – 2000, пушек разного калибра – 13, мортир – 14.

Из провианта: муки ржаной 8677 четей по цене 4260 рублей 11 алтын (то есть пуд муки стоил примерно 12 коп.), сухарей – 1331 четь на 469 рублей, ветчины 2264 пуда на 526 рублей 12 алтын.

Всего же по справке, присланной в Сенат за подписью ландрихтера Чепелева, в 1715 и 1716 годах на экспедицию было потрачено 115 373 рубля 24 алтына 3 деньги.

Отплытие

Весь провиант, с пушками, ядрами, гранатами и порохом был погружен на дощаники, и отряд был готов к отплытию. Вот как об этом событии говорится в Сибирском летописном своде: «Их приняв по сем от руку архимандричью на брань благословение и знамя на прапер в день святых апостол Петра и Павла и сошел с войским на суды, и отвал был назавтре в 30-м числе, в четверток, со всяким воинским управлением и з запасы». Итак, 29 июня 1715 года состоялся молебен, а 30 июня на 33 дощаниках и 27 больших двенадцативесельных лодках отряд отплыл из Тобольска. Только на паруса, с учетом, видимо, запаса, было принято 35 700 аршин холста.

Событие для Тобольска было далеко не рядовое. И наверняка торжественный молебен по такому случаю служил бы не архимандрит Знаменского монастыря, а митрополит «всея Сибири» Иоанн Максимович, который находился в Сибири с 15 августа 1711 года. Однако в ночь на 10 июня митрополит умер. Его нашли в собственной келье на коленях, как бы в молитве, после того как взломали дверь. Подполковник Бухолц был тому свидетелем. Иоанн был весьма благочестивым, написал несколько книг. Позднее был причислен к лику святых, и до современных лет оставался единственным сибирским священником, удостоенным такой чести.

Сибирскую епархию возглавил вновь митрополит Филофей Лещинский, в монашестве Феодор. Он уже был митрополитом Сибири с 1702 по 1711 год и сделал для распространения православия в Сибири столько, что до сих пор непонятно, почему он не причислен к лику святых. Особенно прославился он на ниве обращения в православие инородцев: остяков, самоедов и вогулов. Всего он крестил их около 30 000 человек. Причем не всегда обращение в православную веру проходило гладко, шаманы противились этому. Особенно среди вогулов. Те избивали новокрещеных остяков и вешали их нательные кресты на шесты, которыми погоняли оленей. За время деятельности митрополита Филофея число церквей в Сибирской епархии увеличилось со 160 до 448. Князь Гагарин уважал митрополита и всячески поддерживал его деятельность. А Петр Первый отметил заслуги Филофея специальной именной грамотой. Известие о кончине митрополита Иоанна застало Филофея на реке Конде, где он крестил остяков.

Плыть по Иртышу против течения дело непростое. Использовать приходилось все средства и паруса, и весла, и бечевник. Тянуть суда бечевой тогда было обычным явлением, и потому, наверное, не нашлось своего Репина, чтобы изобразить этот процесс. Тем не менее к середине июля отряд прибыл в Тару, где подполковник Бухолц пересадил своих драгун на лошадей, которых, как он писал, «принял тысячу пятьсот». В другом ведении сохранилась более подробная запись: «К артелерии, под драгун и под ящики куплено 1425 лошадей по цене 5076 рублей 1 алтын, 194 лошади, которые взяты на Таре томской присылки по цене 776 рублей». Отсюда легко подсчитать, что одна лошадь стоила 3,5 – 4 рубля.

10 августа отряд был в Татмыцкой слободе. Отсюда Бухолц отправил письмо царю с известием о своих делах. Впереди была Чернолуцкая слобода – последнее русское селение в полуденной стороне – и почти двухмесячный путь к Ямышеву озеру.

В устье речки Преснухи

1 октября 1715 года отряд прибыл к Ямышеву озеру. Это озеро расположено в 50 километрах южнее нынешнего города Павлодара. Точнее говоря, прибыл он к устью речушки Преснухи, вытекавшей из небольшого пресного озера. Однако крепость, которую позднее заложили, называли Ямышевской, как и на вопрос: «Куда идешь?» – отвечали уже много лет: «До Ямыш-озера», хотя само Ямышево озеро находилось в пяти верстах от Иртыша. Дело в том, что Ямышево озеро было знаменито на всю Сибирь: здесь добывали самосадную соль, которая была очень высокого качества и, по утверждению очевидцев, была «чиста, аки лед-ясенец». За год осадок составлял полтора-два вершка, а где не трогали больше времени, так и пол-аршина! Поэтому соль ломали, как лед. К Ямыш-озеру снаряжались специальные отряды солеников, которые и снабжали почти всю Сибирь ямышевской солью. В XIX веке в озеро пробились пресные ручьи, и концентрация соли значительно уменьшилась. Но и сейчас еще высока. В начале девяностых годов мне удалось побывать на этом озере. Я опустил руки в воду, а когда они высохли, то покрылись белым налетом соли.

Добыча соли была небезопасной, постоянно угрожали кочевники, и о необходимости закладки здесь крепости говорили давно. Подполковнику Бухолцу и предстояло решить эту задачу. Отряд начал подготовку к зимовке. Возле Преснухи, в низине, построили землянки для солдат, обнесли надолбами и рогатками. Саму крепость решили поставить на высоком обрывистом берегу Иртыша по соседству. Впрочем, слово подполковнику Бухолцу: «Прибыв туда, зачал строить крепость тогож октября 29 числа и строил ноября по 10 число. Да при той же крепости построил острожек артиллерной и кругом квартир зделаны надолбы».

Крепость поставили в виде половинки шестиугольника, стенами обращенного в сторону степи. Часть дощаников из-за отсутствия леса была разобрана на стены. Возле стен возвели небольшой вал и вырыли ров. Однако до зимы полностью достроить крепость не успели. Непосредственно за стенами крепости поставили только церковную палатку. Из-за наступивших морозов не успели вырыть и погреб для пороховой казны. Поэтому весь порох оставили недалеко от крепости, на дощанике, вмерзшем на Иртыше. Это решение Бухолца могло в дальнейшем иметь самые трагические последствия для отряда. Но об этом позднее.

В крепости началась обычная армейская жизнь. Между тем до контайши дошли сведения о продвижении отряда, и он приказал своему двоюродному брату Церен-Дондобу (русские называли его Черен-Дондук) узнать о цели движения солдат. В это время из Тобольска с полковником Толбузиным прибыли в Ямышевскую крепость посланцы контайши во главе с Эрке Тарзакоем. И стали спрашивать, почему крепость строится и по какому указу, означает ли это войну против контайши. Бухолц уверил их, что воевать с контайшой не хочет, а идет для разведывания руд. С посланцами в крепости встречались и гонцы от Церен-Дондоба. Их Бухолц уверял в том же. Кроме того, он

послал к контайше поручика Маркела Трубникова с письмом, выделив ему 50 драгун. С Трубниковым он отправил и посланцев контайши, выделив им лошадей, ибо у них лошадей и верблюдов отбили перед этим казахи. В письме Бухолц писал контайше, что «он с ним войны иметь не будет». Но весь отряд Трубникова с посланцами контайши захватили опять же казахи. Таким образом, контайша не получил никаких объяснений и посчитал экспедицию Бухолца военным вторжением в собственные владения.

Нападение

9 февраля 1716 года в метельную ночь «с четвертка на пятницу сырныя недели» джунгарские калмыки внезапно напали на Ямышевскую крепость. Неожданность нападения была обусловлена тем, что буквально перед сырной неделей от калмыков в крепости было дружеское посольство, с которым Бухолц обменялся богатыми подарками, и показал всю крепость. На самом же деле это была разведка... Конечно, это не значит, что Бухолц исключал возможность «противности» со стороны калмыков, для того и крепость ставил, но старался быть с ними в мире. 29 декабря 1715 года он писал кабинет-секретарю А. В. Макарову: «С калмыки, теленгуты, которых десять тысяч кочуют недалеко от Ямышева, утвердился писмами, чтоб им с людьми царского величества ссор не иметь. Для лучшей верности взял у них аманатов добрых. А к контайше посылал с известием, что при Ямышеве город зделал и отписал к нему, дабы он с войском царского величества был в мире и до указанного места итти не претил...». Но посольство поручика Трубникова, как мы уже говорили, захватили казахи. Нападавших было в четыре раза больше, и командовал ими Черен-Дондук. Калмыки хотели вырезать солдат сонными и были близки к этому. Вот что пишет о нападении ямщик Черепанов в своей летописи: «Первое счастье то получили себе калмыки, что они могли отъезжие караулы скрасть, при том отогнали и табун драгунских лошадей. А караульных всех, которые хотели противиться, тех прибили, а иных живых в полон брали». Но счастье в какой-то мере улыбнулось и русским. Одному солдату удалось спастись. Он спрятался в табуне, а когда лошадей погнали, уцепился за гривы двух коней. В кустах упал и прибежал в крепость. Караульный наряд спал. Бухолц сначала даже не поверил солдату и арестовал его – настолько был успокоен дружеским посольством. Но на всякий случай объявил тревогу. Перегородили въезд рогатками и стали ждать. Показались кони. «Бухолц нечаял, что то неприятель, но думал, что гонят драгунских коней, и того точно за ночной темнотою рассмотреть было невозможно, приказал выпалить из нескольких фузей под верх, дабы кого из своих не повредить. А неприятель, видя то, скоростию поскакал на конях к гобвахте и оне за темнотою тут бывших рогаток не рассмотрели, как сами себя, так и коней своих на тех рогатках накололи. И так неприятель не получил своего желания, тщился о том, чтоб рогатки разорвать и ворваться в крепость, того ради учинил жестокий приступ и первое их нападение было жестоко, иные стреляли из винтовок, другие пущали из луков стрелы».

Бой продолжался двенадцать часов без перерыва. На короткое время калмыкам удалось даже захватить непосредственно крепость. За стенами они уже громко ликовали, считая, что победили, но были сразу же выбиты оттуда.

Второй счастливой удачей для отряда Бухолца была история с порохом. В ночь нападения калмыки проезжали по льду Иртыша мимо дощаника с порохом. Часовой трижды окликал, как положено, а после «отважился было по ним палить, но ружье либо было неисправно, или Божия десница их для спасения прикрыла». В ходе боя Бухолц вспомнил о порохе и послал роту солдат, чтобы его перевезти в крепость.

Когда стало светать, Черен-Дондук приказал допросить пленных, захваченных у табунов, чтобы узнать, где порох. Пленные отговаривались незнанием. Тогда солдата Петра Першина стали сечь плетью, затем подвесили к дереву и жгли огнем. Першин умер, но правды о порохе не сказал, а указал на амбары, где хранился провиант.

Яростным штурмом калмыки овладели амбарами. В поисках пороха выбрасывали кули с мукой на улицу и строили из них укрытия. Засев в амбарах, калмыки досаждали оттуда защитникам крепости своей стрельбой. Бухолц приказал бить по ним из пушек. Но «бомбардиры были инженерству неискusstны, более бомбы метали наудачу, нежели, как надобно», поэтому лишь под вечер, когда две бомбы попали-таки в амбары, калмыков удалось оттуда выбить. Бомбы для калмыков были в диковинку. Они сначала пытались заколоть их копьём, потом пробовали зажать убийственную силу войлоком, наваливаясь на него кучей, и только наученные горьким опытом стали затем прятаться от них..

Не взяв крепость приступом, Черен-Дондук прекратил атаки и приступил к правильной осаде, окружив крепость плотным кольцом. Ни один из посланных в Тобольск гонцов не прошел. Не зная о случившемся, князь Гагарин послал из Тобольска в Ямышевскую крепость торговый караван в семьсот человек с ротой солдат. У Корякова Яра, в пятидесяти километрах от Ямышева озера (в районе современного Павлодара), калмыки внезапно напали на караван и после боя, длившегося весь день, захватили оставшихся в живых в плен.

В осаде

Пленных, захваченных у Корякова Яра, провели мимо Ямышевской крепости в виду ее защитников, так сказать, для «поднятия духа». Некоторые историки, в частности П. Словцов, и краеведы упрекают в связи с этой акцией Бухолца в трусости: мол, не попытался даже отбить пленных и «разогнать их громом пушечным» (Словцов). Но такие претензии, очевидно, несправедливы. Какие были в отряде пушкари, мы уже знаем по истории с амбарами. А выйти в чистое поле с плохо обученным войском против конницы, в четыре раза превосходящей по численности, равносильно самоубийству.

21 февраля Черен-Дондук прислал подполковнику Бухолцу письмо, в котором писал, что «война де стала, что указу государева о строении города нету, и город де построен ложными словами». Грозил заморить голодом, если Бухолц не отступит. Бухолц отвечал, что «не обык бояться угроз и, будучи снабжен довольным числом съестных припасов, может переждать без нужды до того времени, пока ис Тоболска, куда он уже писал, болше войска на вспоможение...»

Хотя и отвечал так Бухолц, но положение было сложным. В том числе и с продовольствием: часть его была потеряна во время захвата калмыками амбаров. А все вестники попадали в плен. Помощи ждать было неоткуда. А после двухмесячного сидения в крепости появились страшные болезни – моровая (сибирская) язва и скорбут (цинга). Численность отряда начала быстро сокращаться. В иные дни умирало по 20–30 человек. В таком положении, если бы даже пришла помощь, дальнейшее продвижение в Джунгарию было бы невозможным. Когда начался ледоход на Иртыше, удалось наконец отправить двоих гонцов в Тобольск, обложив на льдине лодку кусками льда. Но это уже не могло изменить положение дел. И на военном совете было решено уходить, как объяснялся впоследствии Бухолц Сенату, «опасаясь дабы многая артиллерия и амуниция не досталась в руки неприятелю, и весьма б интерес царского величества не утратился, понеже тем летом секурсу вскоре от Тоболска притить к нему было невозможно, и готовых войск в Сибири малое число».

Ямышевскую крепость разрушили, погрузились на 18 дощаников и 28 апреля 1716 года отплыли вниз по Иртышу. Калмыки не препятствовали отходу. На радостях отпустили даже священника и комиссаров при денежной казне, захваченных у Корякова Яра. В отряде Бухолца осталось всего 700 человек, четверть от первоначальной численности. Г. Е. Катанаев в своем незавершенном труде о первом Сибирском губернаторе князе Гагарине указывает без ссылки на источник, что 133 человека были убиты, 419 попали в плен и половина отряда умерла от болезней. Аналогичное число пленных указывает и капитан Унковский, бывший в 1722 году с посольством в Джунгарию. Однако, скорее всего, большинство пленных были там из числа захваченных у Корякова Яра.

Ни в одном из известных на сегодня документов по экспедиции подполковника Бухолца не указан точно день, когда дощаники пришли к устью Оми. Но, зная скорость течения Иртыша, можно сказать, что произошло это 4-5 мая (ст. ст.) 1716 года, на что справедливо указал омский историк Е. Н. Евсеев. С этого момента начинается собственно история Омска.

Евсеев же впервые опубликовал отрывок из летописи ямщика И. Черепанова, в котором говорилось о закладке Омской крепости: «Князь Гагарин, получа известие от подполковника Бухолца, нетокмо представление ево за благо принял, но и послал к нему для дополнения полков 1300 рекрут в трех партиях и так немедленно крепость при реке Оми строить начали. Артиллерии поручик Каландер имел опять смотрение над строением. Избрали место на южном берегу Оми около 50 сажень от ея устья. Ниской земляной вал в фигуре правильного пятиугольника обнесен палисадом с пятью таких же болверков на углах и со рвом, около которого были поставлены рогатки. Сие крепостное строение еще до зимы приведено в полное состояние и назвали ее по ея положению Омской крепостью».

Омская крепость

Итак, место было выбрано на возвышении в ста с небольшим метрах от Иртыша на левом берегу Оми. По чину строения крепостей ее закладку начали с освящения места, где должен был стоять храм. Такой храм был заложен и в Омской крепости – церковь Сергия Радонежского, день памяти которого отмечается 6 июля. Известный историк Г. Ф. Миллер, побывавший в середине тридцатых годов в Омской крепости, писал: «В крепости строения имеется: церковь Сергия Радонежского чудотворца, гауптвахта, канцелярия, двор командующего офицера да двор управительской и казармы.

За крепостью, по обеим сторонам реки Оми, стоят многие обывательские дворы, из которых Омская слобода состоит и которые с северной стороны оной реки особливым острогом обведены. Близ крепости сделан через реку мост. Гарнизон сей крепости состоит во 150 человек, да в 200 человек казаков, над которыми капитан каманду имеет».

В одном из самых ранних описаний Омской крепости, обнаруженном и опубликованном Е. Н. Евсеевым, содержатся более подробные сведения о крепости: «Против церкви ворота крытые, командирский двор, от церкви ж у Знаменских ворот артиллерной подвал с выходом, в котором имеется зелейная пороховая казна. У Спасских ворот стоит гауптвахта с перерубом, крыта на четыре стороны тесом. Подле одной, у тех ворот, три магазина да два подвала с выходами. У оной крепости проезжие трое ворота к Иртышу и Оме. Первые Спасские, вторые в степную сторону Знаменские. Над оными воротами башня рубленая. Третьи по Тобольской дороге Никольские. На пяти бастионах восемь батарей».

Здесь же содержатся сведения о размерах крепости, которые не поражают воображение величиной, и определялись военной целесообразностью и наличием строительного материала: «А через крепость от Спасских до Знаменских ворот длины 120 сажень (242 м), от берега 102 3/4 сажени (220 м). Подле Знаменских ворот построены в степи казармы – 5. Вокруг оной крепости палисад стеновой и выкопан ров, а мерою 432 сажени (890 м), глубиною три четверти аршина (54 см), да вокруг оной же крепости надолбы и рогатки обложены от крепости до Иртыша-реки, по Луговой слободе палисад поставлен. Ров копаной мерою 195 сажень (421 м), глубиною в сажень (2,16 м). Надолбы поставлены и рогатки обложены вокруг одного палисаду. На железинской дороге ворота, называемые Сергиевские, над оными башня. Вкруг оной слободы вниз по Иртышу по берегу Оме-реки палисад мерою 77 1/2 сажень (154 м). Також и ворота к Иртышу имеются».

Таким образом, из указанных сведений можно сказать, что сама крепость находилась в районе от «Ленинской горки» до Музыкального театра, а Спасские ворота стояли на ул. 10 лет Октября недалеко от моста по ул. Ленина.

22 декабря 1716 года подполковник Бухолц был отозван в Тобольск, и строительство крепости заканчивалось под началом майора Вельяминова-Зернова.

Неудача экспедиции и строительство Омской крепости стали своеобразным толчком к более систематизированному освоению Верхнего Прииртышья. К этому времени изменилась и внешнеполитическая обстановка. Джунгарское ханство втянулось в трудную войну с Китаем, и не могло уже столь активно, как во время похода Бухолца противостоять намерениям князя Гагарина в строительстве крепостей на Иртыше. Именно этим обстоятельством объясняется то, что небольшим по численности отрядам капитана Ступина, полковника Матигорова и майора Лихарева в течение 1717-1721 годов удалось поставить южнее Омской крепости Железинскую, Ямышевскую, Семипалатинскую и Усть-Каменогорскую крепости. Это коренным образом изменило обстановку в регионе: закрыло барабинских татар и Кузнецкий край от набегов казахов и способствовало освоению Южной Сибири русскими землепашцами и казаками.

Две судьбы

Итак, выехав из Тобольска 22 декабря 1716 года, Бухолц прибыл в столицу Сибирской губернии 31 декабря, перед самым Новым годом. Здесь он получает указ от князя Гагарина двигаться вновь вверх по Иртышу, выполнить указ царя о песочном золоте. Но Бухолц уверен, что таким числом до указанного места не дойти, и добивается личной аудиенции у Петра. С этой целью он обращается к князю Меншикову и кабинет-секретарю Макарову.хлопоты увенчались успехом, Бухолц был вызван в столицу и 2 сентября 1717 года прибывает в Санкт-Петербург.

Вскоре туда же был вызван и сибирский губернатор Гагарин. По доносу обер-фискаля Нестерова началось следствие по якобы имевшим место злоупотреблениям властью и хищениям государственной казны. Однако какое-то время первым лицам государства было не до них. Разгоралось куда более сложное дело. Дело царевича Алексея. В своей неприязни к деяниям отца он дошел до прямого предательства, спрятался за границей, но был там схвачен и привезен в Санкт-Петербург. Петр не стал решать судьбу царевича сам, а отдал на усмотрение Верховного суда. Членами этого суда стали и Гагарин, и Бухолц. Их подписи в числе других стоят под приговором суда царевичу Алексею. Ему был вынесен смертный приговор. Алексей якобы умер в тюрьме, но ходили упорные слухи, что он задушен подушкой капитаном Румянцевым и Толстым.

Следствие по делу Гагарина двигалось не в его пользу, и 11 января 1719 года он был уволен с поста Сибирского губернатора и взят под караул. 22 января уже Бухолц отвечал перед Сенатом о причинах неудачи похода за песочным золотом. Здесь обозначилось основное расхождение между показаниями Гагарина и Бухолца о причинах неудачи экспедиции. 29 января Гагарин, отвечая перед Сенатом, говорил, что неудача произошла из-за того, что Бухолц озлобил калмыков и на словах якобы передал поручику Трубникову, чтобы тот сказал контайше, что он, Бухолц, имеет особый от государя указ, который он должен распечатать в Яркенде, и что в том указе — он не ведает. Из-за этого нарушился мир и началась война. Бухолц о словесном наказе Трубникову ничего не упоминает.

Видя, что истину по этому делу не открыть, царь посылает в Сибирь майора Лихарева со следующим указом: *«Ехать тебе в Сибирь и там розыскать о худых поступках бывшего губернатора Гагарина о всем против данного тебе реестру подлинно... Между тем трудится всеми мерами освидетельствовать, по сказкам помянутого Гагарина и подполковника Бухолца, о золоте эркецком: подлинно ли оно есть и от кого Гагарин сведал. Тех людей сыскать, также и других ведомцов, и ехать с ними до тех крепостей, где посажены наши люди и там, разведав старатца сколько возможно дойти до Зайсана озера...»*

Также розыскать о подполковнике Бухолце, каким образом у него Ямышевскую крепость контайшинцы взяли, также о прочих его худых поступках освидетельствовать...»

Майор Лихарев исправно исполнил это указание. В Тобольске он допросил около восьмидесяти человек, но «верного ведомца» о золоте не нашел. С отрядом 400 человек он дошел до Зайсан-озера, отбил наскок калмыков во главе с сыном контайши Галдан-Цереном и основал Усть-Каменогорскую крепость. Историк П. Словцов по этому поводу пишет: вот, мол, как надо было действовать Бухолцу. Однако не учитывает, что калмыки не могли выделить войска из-за войны с Китаем, и у Лихарева были прочные тылы — Омская, Ямышевская и Семипалатинская крепости.

Об этих крепостях, как о своих детищах, заботился князь Гагарин, уже находясь под арестом. 19 января 1719 года он послал в Сенат доношение, в котором, хлопоча о жаловании гарнизонным людям, писал: *«А пушек и пороху в тех крепостях не малое число и тако имею в том великую опасность, чтоб, тех крепостей не оставя, не разбежались. Також чтобы ныне за удержанием посылки к ним жалованья, также и других припасов не учинили неприятельские люди тем крепостям и людям какого вреду, и чтоб то не было взыскано на мне»*. Сенат в своем указе по данному доношению определил содержать новопостроенные крепости «по-прежнему из Сибирской губернии», о чем был послан указ новому сибирскому губернатору Алексею Михайловичу Черкасскому.

После возвращения Лихарева дело по князю Гагарину ускорилось с трагическим для него финалом. 11 марта 1721 года он допрошен с пытками, 14 марта Сенат вынес ему смертный приговор с обвинениями по восьми пунктам о хищениях и взяточничестве, а 16 марта 1721 года князь Гагарин был повешен перед окнами Юстиц-коллегии, затем труп перевесили к Новой бирже, а когда веревка перегнила, 25 ноября 1721 года по указанию царя перевешен на цепь. Не сохранилось и его портрета, что представляется странным, ибо сподвижники Петра I куда более низкого ранга сохранились на своих парсунах, то бишь портретах.

Подполковник Бухолц признан невиновным и назначен в 1720 году комендантом Нарвы. А в 1723 году направлен опять в Сибирь селегинским комендантом. Здесь он много сделал для укрепления границы с Китаем. В 1740 году бригадир Иван Дмитриевич Бухолц уходит в отставку с повышением чина до генерал-майора. Умер в 1741 или 1742 году. Место захоронения неизвестно.

...в 206 году – то есть в 7206 году от сотворения мира. Чтобы перейти на современное летоисчисление нужно отнять 5508 лет. Таким образом получается 1698 год.

Словарик старинных слов и выражений

Аки – как.

Аманаты – заложники.

Алтын – 3 копейки.

Архимандрит – высшее звание иеромонаха, обычно настоятеля мужского монастыря.

Аршин – мера длины = 4 вершка = 71,12 см.

Бечевник – тропа на берегу, которой идут тянущие бечевой судно.

Болверк – бастион.

Ведение – официальное извещение, ведомость.

Вершок – мера длины, равная 4,44 см. Аршин = 16 вершкам.

Вогулы – манси.

Генварь – январь.

Гобвахта – гауптвахта.

Деньга – полкопейки, 2 полушки.

Дощаник – большая плоскодонная лодка с парусом.

Зело – очень.

Кружало – кабак.

Камка – шелковая ткань с разводами китайского происхождения.

Контайша – правитель Джунгарии.

Лядунка – зарядница.

Мортира – короткоствольное орудие для стрельбы навесным способом, обычно по крепостям.

Нагалище – чехол.

Остяки – ханты.

Понеже – потому что.

Полон – плен.

Палисад – плотная изгородь из бревен с заостренным верхом.

Рентерея – хранилище казны.

Стольник – на Руси до XVII века придворный чин, степенью ниже боярина.

Сфрагистика – вспомогательная историческая дисциплина, объектом изучения которой являются печати (от греческого слова «сфрагис» – печать).

Сажень – мера длины = 3 аршинам = 7 футам = 213,36 см.

Сие – это.

Самоеды – ненцы.

Сырная неделя – последняя неделя перед Великим постом.

Секурс – помощь, резерв.

Уклад – низкокачественная высокоуглеродистая сталь

Фузея – кремневое ружье со штыком

Фунт – мера веса, равная 409,512

Четь – то же, что четверть = 8 пудам.

Четверток – четверг

Экзерциция – упражнение, учение.

Ярл – в Швеции то же, что на Руси наместник-боярин.